

Правовое начало принято именовать правовым государством (правлением права). Оно реализуется в социальной практике прошлого и современности в той мере, в которой суверены осознают выгоду и поддерживают правовой (обезличенный), а произвольный (зависящий от личного усмотрения) способ решения задач, стоящих как перед государством в целом, так и, естественно, для охраны своих собственных элитарных интересов, сохранения власти и места в социальной иерархии. Подчеркнем, что суть групповых (классовых, элитарных) интересов суверена, и интересов подданных, поскольку иных источников развития государства, кроме ресурсов, труда и талантов его граждан, просто не существует.

И юристы, и историки права, определяя право в качестве предмета своих исследований и практической деятельности, не должны находиться в плену иллюзий, идеалов, а должны видеть право в системе взаимных связей с другими социальными явлениями, помня слова Р. Иеринга о том, что не общество существует ради права, а право ради общества, поэтому юрист, зная потенциал правовых средств, должен видеть и использовать и все иные возможные экономические, психологические, культурные и иные средства защиты как интересов конкретного клиента (работодателя), так и решения общегосударственных задач.

Парилов Олег Викторович,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Приволжского филиала Российского
государственного университета правосудия,
профессор кафедры философии и теологии
Нижегородского государственного педагогического
университета имени Козьмы Минина

Об актуальности изучения философии права

Роль дисциплины «Философия права» в современном российском юридическом вузе явно недооценена: ее изучают в магистратуре, но на бакалавриате в большинстве юридических вузов она не включена в учебные планы даже в качестве дисциплины вариативного блока. Причина подобного пренебрежения кроется в сформированном в советское время и непреодоленном до сих пор позитивистском, то есть инструментальном подходе к праву, что ведет к нивелированию его аксиологического контекста. Право как совокупность абстрактных формальных норм отрывается от общества, человека; утверждается принцип «человек для права, а не право для человека», юрист стоит на страже закона, а не личности, общества, формально решает юридические вопросы, применяя право как регулятивную систему к конкретному делу¹. Учебные программы юридических вузов неизбежно отражают подобный взгляд на подготовку юристов, о чем свидетельствуют тенденции последних лет: общее сокращение блока социально-гуманитарных дисциплин, отвечающих за формирование мировоззрения, дробление учебной программы на узкие специальности, что предполагает подготовку ремесленников, натасканных формально исполнять букву закона в конкретных областях жизнедеятельности.

Еще одна причина недооценки философии права — превратное толкование ее предмета. Ряд исследователей вообще считает эту дисциплину лишней, ненужной: если есть теория государства и права или общая теория права, то незачем без надобности умножать сущности — подобные суждения, в частности, прозвучали на круглом столе Международного объединения преподавателей и студентов по теории и философии права 16 февраля 2024 года. Д. А. Керимов считает философию права одним из направлений общей теории права². Базовые категории, которыми оперируют общая теория права и философия права, обнаруживают их кардинальное различие: собственно юридические, присущие особо тяжкому преступлению (далее — ОТП) (закон, правоотношение, субъект права, объект права...), и философские, присущие философии права (свобода, справедливость, порядок, смысл права, идея права, методология права...). Очевидно, что эти дисциплины

¹ См.: Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Юридическое образование в аксиологическом контексте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 204.

² Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). Москва, 2000. С. 83.

относятся к разным сферам знания. ОТП выступает базисом правовых дисциплин, философия права обеспечивает мировоззренческое, методологическое, то есть философское обоснование права, выходит за сферу юридического. Для ОТП право актуально как факт, философия права устремлена к идеалу права. Душа ОТП — дискурс, философии права — рефлексия.

Еще одна ошибочная тенденция — искусственно заужать предмет философии права, сводить его к общественному идеалу (С. Франк) или к справедливости (Н. Боббио), к идее права (Г. Гегель). В последнем случае, даже если идею трактовать расширительно, в платоновском смысле, все равно из предмета философии права выпадает значительный методологический пласт. Но при всем различии трактовок философии права, по справедливому утверждению С. И. Захарцева, многие правоведы ошибочно включают философию права в число юридических наук¹. Ошибочным мы считаем и тезис о существовании двух независимых подходов к изучению философско-правовых проблем: философского и юридического². Подобное «растаскивание по углам» предмета философии права чревато, с одной стороны, отрывом философствования от конкретных правовых проблем, с другой — отрывом права от философии и погружением в юридические частности³. Сила философии права именно в междисциплинарности.

Мы согласны с С. И. Захарцевым, что философия права не есть часть общей теории права, но определяет магистральные пути познания права, решает вопрос ценностного обоснования права, формулирует и решает мировоззренческо-правовые проблемы, связанные с экзистенциальным и социальным бытием. Таким образом, философия права — мост, соединяющий чистую философию с общей теорией права как базисом юриспруденции⁴. Значимость философии права обусловлена тем, что возникающие сегодня проблемы законотворчества, правоприменения, судопроизводства не только не решить, но и не объяснить силами юриспруденции — они требуют философского подхода. Именно поэтому особую актуальность приобретают разделы философии права: правовая аксиология и правосознание, правовая онтология, правовая этика, правовая антропология, гносеология и методология права.

Перед правовой аксиологией стоят две глобальные задачи: 1) утверждение в сознании россиян ценности права (формирование зрелого правосознания — знания и, главное, уважения права) и 2) защита силами права традиционных российских ценностей. Именно сегодня проблема утверждения ценности права, развития правосознания в силу социоисторической обстановки приобретает особую остроту. Хотя в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» права человека обозначены как традиционные российские ценности⁵, мы все же считаем, что традиционно, в отличие от Западной, российская культура не является правовой. «Закон — что дышло...» — это русская поговорка. Образцы правового нигилизма у нас на каждом шагу: армия игнорирующих право интеллектуальной собственности псевдоученых или студентов, ставящих свои фамилии под чужими, скачанными из интернета текстами, армия автовладельцев, самовольно присвоивших часть дворовой территории в качестве личной автостоянки. Русский, и шире — россиянин, всегда отдавал предпочтение эмоционально-нравственной регуляции взаимоотношений, выстроенной на основе субъективного чувства справедливости, перед формально-юридической регуляцией, присущей более европейцу, американцу. Подобные различия наших культур отчасти обусловлены религиозно: в православии, являющемся базисом русской культуры, сформировалась духовная концепция спасения, в то время как в западном католическо-протестантском христианстве — юридическая теория, ставшая, в свою очередь, в эпоху Нового времени основой светских правовых теорий государства: договорной Т. Гоббса и либеральной, поставившей во главу угла священные права личности Дж. Локка. Права человека Запад провозгласил как абсолютную ценность и в качестве таковой навязывал

¹ Захарцев С. И. Проблема предмета философии права: размышления и предложения // Мониторинг правоприменения. 2014. № 1 (10). С. 11.

² См.: Нерсисянц В. С. Философия права. Москва, 2011. С. 17.

³ См.: Захарцев С. И. Проблема предмета философии права: размышления и предложения // Мониторинг правоприменения. 2014. № 1 (10). С. 15.

⁴ См. там же. С. 11.

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 27.02.2024).

всем остальным цивилизациям. В девяностые годы XX века Россия, встав на путь догоняющего Запад развития, безоговорочно восприняла европейско-американскую установку на построение правового государства. Но именно в наши дни Запад первый дискредитирует, обесценивает, попросту топчет международное право, право на свободу слова и защиту собственности (присвоение чужих активов), цивилизованную конкуренцию (санкции). Получается, право для Запада, частью которого мы притязали быть, вовсе не было ценностью, а было лишь предметом лукавых политических игр, а его защита — средством реализации эгоистических интересов. Данная ситуация усложняет проблему формирования зрелого правосознания россиян, а ведь ориентир на построение правового государства никто не отменял и права человека определены Указом как базовая, подлежащая защите ценность.

Большое значение имеет сегодня и **онтология права**. Решение фундаментальной онтологической проблемы сущности права напрямую связано с вопросом определения его цели и задач на современном этапе. А это, в свою очередь, коррелирует с **философско-правовой антропологией**, которая сегодня также чрезвычайно важна. В контексте определения вышеназванным Указом Президента Российской Федерации № 809 жизни и достоинства человека, гуманизма и милосердия в качестве базовых ценностей в правовой сфере на первый план выходит вопрос человеческого измерения права. Показательно масштабное социологическое исследование, проведенное в 2019–2020 годах С. И. Захарцевым и В. П. Сальниковым, охватившее более 40 тысяч жителей России разного возраста и более 20 тысяч европейцев (жителей Германии, Испании, Франции и Италии). Опрашиваемым задавали два вопроса: «С чем у вас ассоциируется право? Чего не хватает национальному праву?» В ответе на первый вопрос россияне и европейцы оказались на удивление солидарны: право у тех и других ассоциируется прежде всего с запретом и наказанием (так ответили около 90 % жителей России и 75–80 % — Европы). А вот в ответе на второй вопрос суждения европейцев и россиян кардинально разошлись: первым в национальном праве не хватает свободы и социальных гарантий, россиянам же — человечности и справедливости, что отвечает нашей национальной ментальности¹. К сожалению, у нас в русле позитивистской парадигмы по-прежнему действует принцип — человек для права. В лучшем случае юрист есть исполнитель буквы закона, в худшем случае право и правоохранительные органы выступают инструментами карающими, принуждающими. В связи с задачей отстаивания базовой традиционной ценности гуманизма право должно кардинально переориентироваться на защиту человека². Правоохранительные органы, по сути своей, должны стать человекоохранительными, обществоохранительными.

К ведению философско-правовой антропологии относится и решение сложного вопроса соотношения внешне-юридической и внутренней духовной свободы, сопряженной с ответственностью. Почему борьба за правовые свободы на Западе в итоге привела к массовому бегству от свободы, о чем писал Э. Фромм еще в 40-е годы XX века? Именно философ Платон еще 2 500 лет назад обнаружил, что доведенные до крайности юридические свободы при дефиците свободы внутренней и ответственности неизбежно трансформируются в свою противоположность — крайний тоталитаризм³. Правоту мыслителя подтверждает современный Запад — образец тирании всяческих меньшинств над большинством. В Великобритании под уголовное преследование может подпасть человек лишь по подозрению в нелояльности к представителям ЛГБТ. Абсолютизация прав детей неизбежно привела к своего рода педократии, когда детям позволено все, а взрослым (педагогам, родителям) — ничего. Согласно канадскому законодательству, уголовному преследованию подлежат родители, которые препятствуют не ведающим, что творят детям в их свободном определении собственной половой принадлежности (один из вариантов содомии). В Европе, США сегодня, по сути, любое насилие над ребенком под запретом. Автоматически это означает и запрет на воспитание. К сожалению, эти тенденции проникают и в современную Россию.

Еще одна важная философско-антропологическая проблема, связанная с определением границ ответственности взрослого за ребенком, который пока не сформировался как личность. Подчас цена решения этого вопроса — жизнь ребенка. Дети из Кабардино-Балкарии, Тулы, Ижевска, Санкт-Петербурга, Вязьмы и еще десятки российских детей из других городов умерли потому,

¹ См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 187.

² Кочеров С. Н., Париков О. В., Кондратьев В. Ю. Философия русской идеи. Нижний Новгород, 2018.

³ См.: Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 3 Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007.

что их родители или опекуны — свидетели Иеговы по религиозным соображениям воспрепятствовали своевременному переливанию им крови. Взрослые еще совсем недавно присваивали себе право решать вопрос жизни и смерти ребенка, опираясь на закон — статью 33 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан¹ (по счастью, в настоящее время редакция нормы кардинально скорректирована). То есть вопрос определения границ ответственности взрослых за детей выходит за пределы юриспруденции, он также находится в области философии².

Колоссальное значение сегодня приобретает **этика права**. В идеале право должно служить добру и справедливости, то есть правовое должно быть тождественно моральному. Но в реальности мы точно знаем, что между правовым и моральным всегда будет зазор. Моральные нормы более фундаментальны, укоренены в глубинных пластах религиозных традиций; моральный код универсален для большинства культур и народов. Право, напротив, зыбко, изменчиво, поскольку слишком зависимо от исторической, социально-политической конъюнктуры. Уголовно наказуемое в советское время (мужеложство, владение и пользование иностранной валютой, занятие частной предпринимательской деятельностью) сегодня юридически нейтрально, вообще не преследуется законом. Фемида зачастую бывает равнодушна к поступкам, однозначно аморальным во все времена у большинства народов. Ложь, лицемерие, супружеская неверность безнравственны, но неподсудны. Проблема соотношения нравственного и правового отнюдь не юридическая, но философская.

Требуем философского подхода еще один нравственный вопрос выбора между служением добру, справедливости и исполнением профессионального долга. С такой дилеммой может столкнуться адвокат в ситуации, когда уверен в виновности своего подзащитного, но при этом видит явный изъян в системе обвинения. Публично обнаружить этот изъян в судебном процессе, развалить обвинение и освободить нераскаянного преступника, являющего собой угрозу для личности и общества? Смолчать и изолировать преступника от общества, но не исполнить профессиональный долг? Бремя экзистенциального выбора, колоссальный моральный груз ответственности требуют от адвоката мировоззренческой, а следовательно, философской зрелости. В целом надо признать, что в большинстве своем подзащитные — люди действительно преступные, но долг адвоката если не освободить от ответственности, то хотя бы смягчить участь этих потенциально опасных граждан.

Актуальность **гносеологии права** детерминирована общемировой тенденцией утверждения общества постмодерна. Постмодернистский концепт деконструкции в сфере познания проявляется в размывании, скандализации абсолютных критериев истинного и ложного. Переход от классической парадигмы научного знания к неклассической, а затем в наши дни, к постнеклассической означает в итоге ни что иное, как дискредитацию объективной истины. Весьма тревожный симптом, поскольку в правовой сфере вопрос истины — это вопрос человеческих судеб. Современный Запад демонстрирует постмодернистскую деконструкцию истины в юридической сфере, насильственно заменяя ее на срочносочиненные, произвольные правила жизни. По счастью, Россия сопротивляется втягиванию в пространство постмодернистских игр, защиту традиции осознает как первейшую задачу. Следовательно, поиск объективной истины в праве по-прежнему актуален, а значит, актуален раздел **философско-правовой методологии** познания.

Вывод. Философия, являясь фундаментальной основой наук, обязательна к изучению во всех вузах мира. Именно такую же фундаментальную роль играет и философия права для всех студентов-юристов, следовательно, она столь же обязательна для изучения. Являясь связующим звеном между чистой философией и юриспруденцией, философия права отвечает за формирование правового мировоззрения и правосознания, за человеческое измерение права, его этическое и аксиологическое обоснование; реализует методологическое обеспечение законотворческой, правоохранительной, научно-исследовательской и судебной деятельности.

¹ Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. ВС РФ 22 июля 1993 года № 5487-1) (ред. от 7 декабря 2011 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2020).

² Парилев О. В. Смерть ребенка из-за отказа от гемотрансфузии по религиозным мотивам: юридический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50).